

Лидия Терёхина

Лидия Терёхина (Дорошина Лидия Ивановна) родилась в д. Тучковка Иссинского района Пензенской области. Окончила художественно-графическое отделение Пензенского педагогического училища, факультет русского языка и литературы Пензенского государственного педагогического института им. В. Г. Белинского. Работала художником-оформителем, преподавала изобразительное искусство, русский язык и литературу в школе и вузе. В настоящее время работает заведующей отделом поэзии журнала современной литературы, культуры и общественной мысли «Сура», редактором ООО НИЦ «Социосфера» (Прага). Руководитель клуба молодых поэтов «Берега» и литературного клуба «Я сень». Автор 20 поэтических и прозаических книг, текстов песен (изданы диски). Лауреат Всероссийских премий имени М. Ю. Лермонтова, «Моя малая Родина», форума гражданской поэзии «Часовые памяти», трёх Губернаторских премий за достижения в литературе и других. Живёт в Пензе.

СВЕТА С ТЬМОЙ ВЕКОВОЕ СРАЖЕНЬЕ

ГОЛИАФ

*Кто не продал России
Ради собственной славы,
Знает: трудно быть сильным,
Знает: просто быть слабым.*

Николай Панченко

Кто не хитёр – в миру не прав –
так судим мы – всего лишь люди.
Бесхитростный мой Голиаф
встречал напасть любую грудью.

Кто только не спешил напасть,
изгнать с земель его исконных,
их ненасытна, алчна пасть,
пусть и прикрытая иконой.

Давидом вложенный в пращу,
летит булыжник. Близок к цели.
– Ты не грусти! – Я не грущу.
Мы пели. Боже, как мы пели!

Летели камни – Бог судья! –
Те прикрывались верой истой.
Вновь песнь Руси слагаю я –
той, золотой, святой и чистой.

* * *

Мысль, как цыплёнок, токает в висок:
«Смотри, смотри, как небосвод высок,
как льёт луна медовый сладкий сок –
досыта им снега напоены.

По ним блуждает ветер – сеет сны.
Как долги и прекрасны сны зимы!
Спят чувства чуткие и чёткие умы.
Но страстно о весне мечтаешь ты –
бесплотные, бесплодные мечты...»

О чём, цыплёнок мой, твоя печаль?
Тебе мою мечту иль зиму жаль,
в которой нет желаний и грехов,
но также нет ни счастья, ни стихов?

Лучей весенних сладостнее мёд,
там выше небо, ветер веселей
играет с юной порослью полей,
и чувств, и мыслей радостен полёт —

Создатель мира, — верю я, — поймёт
пристрастную любовь к земле моей.

* * *

И всё, и вся лукаво искушая,
над миром ставит он эксперимент.
И ты всечасно, да и в сей момент,
намеренья благие разрушая,

сам, под его самодовольный смех,
сбив впереди идущего кого-то,
торопишься в «широкие ворота» —
за ними мстится счастье и успех.

Остановись, безумный человек!
Все миражи развеются в пустыне.
И сердце неутешное остынет,
и кончится твой человеческий век...

Возжаждет одинокая душа —
единственно, что есть в тебе живого —
извечного Отеческого Слова,
в нём смысл и утешение ища.

Но тот, кого твой ум боготворит,
чьим безоглядно веришь обещаньям,
в юдоль лютой тоски и обнищанья
её до воскрешенья водворит.

ОСТРОВ

Наталии Новиковой

1

Может быть, этот остров — рай:
пальмы, белый песок и море —
мне неведомый, чудный край
в необъятном парит просторе.

Не слышна жаворонка трель,
как у нас на Руси в апреле,

так ведь что такое апрель,
мы и сами забыть успели.

Пальмы, белый песок, волна
мягко стелется вам под ноги...
Веришь, сбросив вериги сна:
это здесь обитают боги.

2

— Не обольщайся, там идёт война, —
прервал мои восторги Белоснежный —
Друг друга истребляют племена,
а почему, зачем — уже не важно.

Зима в России стала нам судьбой.
Грозь бедой, ветра её взывают,
пока обманно шелестит прибой,
в несчётный раз песок перемывая,

и кровь смывает прошлые грехи.
Ведь каждый Авель сам себе же Каин.
Плачь, боль души выплёмкивай в стихи, —
ничью беду не разведёшь руками.

СТРАННЫЙ СОН

Приснился странный сон:
в стране замороженной
весной цветут цветы,
и летом... и зимой.
Там праведны мужья.
Благословенны жёны.
И я иду туда
с заплечною сумой,
как новый перепегрин —
без всяких прав и правил,
вдоль вымерших полей,
меж гор — в тени долин,
по выжженной степи
и вброд — по переправам,
и первозданный свет
растёт в душе моей.

Спросонья — полутьма
в проёме заоконном.
Невидимый лихач
вгрызается в занос.

За стенкой – детский плач
и женский голос сонный...
Опять молчит зима
в ответ на мой вопрос:

– А почему цветы –
в стране заворожённой,
и почему мужья...
и жёны... только там?

...Совсем проснулась я.
И день новорождённый
сомнения и мечты
расставил по местам.

ВАЛЕРИЮ ЯШИНУ

«Будет музыка вместо нас».

Сергей Жидков

«Голоса приближаются – Скрябин»¹.
Пианиста летучие руки
по-над клавишной мартовской рябью
сеют горя и радости звуки.

Света с Тьмой вековое сражение,
белых мух роевое кружение,
над проталиной гарпий порханье –
на одном прозвучало дыханье.

Будто в зал на серебряном блюде
солнце внёс нам, не видящим, Яшин.
Разве есть дар страшнее и слаще,
если сами мы музыкой будем?!

О ГЕРДЕ

Была у меня собака
породы таксель или спитак –
великолепный бастард
от русского спаниеля и таксы.
Со мной разговаривала она просто так.
На разные «фасы» не была натаскана.

Мы с ней гуляли с поводком и без,
знали до мелочей друг друга повадки.
Собака была богата, как Крез
золотом, – шерсткой золотой и гладкой.

А я, даже если был пуст карман,
приносила ей...

хоть бы косточку от обеда.
Ещё меж нами немислим был обман,
а в любви к ближнему –
за ней была победа.

Моя собака любила людей так,
словно они были
высшей пёсией породы,
и со слов моих не желала понять никак,
что среди нас нередко
встречаются уроды.

И вот моей собаки больше нет здесь.
У меня не стало
самого верного друга.
Но как я счастлива,
когда прилетает весть
из собачьего рая.
Он есть – вне земного круга.

ТАУСЕНЬ²

Лесополье. Ветродуи в размахе
Кружит листья. Холодно уже.
В лёгкой канифасовой рубашке
Молодец примстился на меже.

Таусень? Такого быть не может!
Это конь сбежал из табуна
И в траве пасётся придорожной.
Вьётся гривы рыжая волна.

Двадцать первый век.
Вон – конь железный –
Трактор тарыхтит средь борозды.
Конь же этот, видно, бесполезный –
Не стреножен, бродит без узды...

1. Голоса приближаются. Скрябин.

О, куда мне бежать от шагов моего божества?!

Борис Пастернак

2. Таусень – славянский бог урожая, плодородия, богатства. Является людям молодцем в красной рубашке или конём.

Подхожу к нему я робко, боком,
Хоть коней видала на веку.
Он глядит спокойно влажным оком,
К клеверному тянется пучку.

Тут раздался крик насторожённый –
С поля по невспаханной стерне,
Пёстрыми плешинами прожжённой,
Тракторист торопится ко мне.

Лесополье. Ветроуды в размахе
Гонит листья. А куда исчез
Парень в канифасовой рубашке?
Мне под ноги стелет листья лес.

ПАМЯТЬ И КАМЕНЬ

Камень, обвитый ласковым хмелем,
спит у развилки забытых дорог.
Память на цыпочках входит в мирок
отблесков, шорохов, слышимых еле.

Значит, кто бури сумел заточить
в бело-горючую камня твердыню,
только на время, только донныне
ей на хранение отдал ключи.

Память тихонечко, мало-помалу
сны превращает в реальную суть
и умудряется как-то стянуть
с тем, запрещённых давно, покрывало.

Вот и нарушен «вечный» покой –
хмель сорван ветром –
ярозным, свежим.
Степь неоглядна. Дороги всё те же.
Надо лишь выбрать, идти по какой.

* * *

Видимо-невидимо
в парке свиристелей,
и откуда только в город налетели?
Заблудилась, видимо,
по свету летая,
шумная, скрипучая воробьиных стая.

Здесь нашли пристанище
и прокорм рябиновый,
дерева украсили
грудками рубиновыми.

Как-то стало радостно на сердце,
лучисто.
день помчался праздником
по сугробам чистым.

СТАРИЦА

Ты всё старишься, старица,
зарастаешь кугой.

Мне бы птицей удариться
оземь в жизни другой,
чтобы вновь человеком
на твоих берегах
слушать волн переплески,
что Земля сберегла.
Вдруг, да людям на радость,
спину выгнув дугой,
перекинется радуга
по-над степью нагой.

Волны днесь не колышутся,
не спешат облака,
только шорохи слышатся
золотого песка.

Так ссыпаются дни мои
по крупинкам во тьму.
Здесь Россия, родимая,
тонет в сизом дыму –
за любовью, за памятью,
за намёками вед
Неизбывного тянется
неизведанный след.

Тихо волны листаючи,
на песчаной косе
ты приют и пристанище
подарила Исе.
Вот и кличешься Иссою
с незапамятных лет,

душу чистую выстудив,
присмирив, обмелев...

Волны – в воздухе марятся.
Зной от злости скрипит.
Ты всё старишься, старика, –
стонут ветры в степи.

СКАЗАЛ ПРИЯТЕЛЬ

Евгению

Сказал приятель, что из-за морозов
Русь разлюбил.

Тогда в вечерней мгле
увидела я роспуск туберозы –
не на стекле, а на его челе –

таким высоким, многоумном лбу,
Лёг амариллис смертною печатью.
Хотел приятель обойти судьбу.
Она же вслед ему глядит с печалью.

Его судьба печальна. Вне Руси
тоска заела в считанные лета.
Он – сын Зимы. И боже упаси
и вас

от солнца Юга ждать привета...

Лишь растопился на сердце ледок –
он невозвратно превратился в слёзы
и отпечатки смысл его следов...

А здесь, в снегу, их сторожат морозы.

Сума здесь наготове и тюрьма,
совсем не диво голод и разруха –
пока колдобит и вьюжит зима...
Жизнь испытует нашу крепость духа.

ДЕНЬ СИНИЦЫ

В декабре воробьи да вороны
обживают заснеженный двор.
Демонстрируя номер коронный,
кот соседский взмахнул на забор –

по дощатому узкому гребню
он ступает, как истый гимнаст.
Сорят веток берёзовых бредни
на ещё не облёгшийся наст

сонмы «звёздочек», тихо надеясь,
что зачнётся берёзовый лес,
а до Нового года – неделя
ожиданья неожиданных чудес.

Неспроста залетела синица
человечье проведать жильё.
Любопытствуя, глазом косится
сквозь окно на застолье моё.

Брошу ей через форточку зёрен –
отпорхнёт – и вернётся опять.
Этот птичий народец проворен!
Будем мы вместе с ней наблюдать,

как за лёгкой вечерней порошей
вызревает полоска зари.
День синицы – простой и хороший.
А потом – налетят снегири.

* * *

Анне Коржавиной

Уныло киснет матушка Зима.
Хоть впереди крещенские морозы,
отсроченные кажутся угрозы
нелепым измышлением ума.

Позёмка тонет в тёмных зёвах луж.
Лишь фонари, кисейно улыбаясь,
нашёптывают сверху, что любая
зима в России не пройдёт без стуж,
что так у нас издревле повелось –
под оттепель готовь тулуп и сани,
среди новогодних встреч и расставаний
оставь зиме и холодность, и злость.
Забудь, прости другим свои грехи,
пусть все пребудут

в Божьей благодати.

Ведь ты – поэт. Вот и пиши стихи.
На сердце ставь заплату на заплате.

* * *

Лишь «Отче наш...» на сон грядущий
от грёз освобождает душу,
как сразу в инобытиё
летит сознание моё.

Мир жёстких линий и углов,
мировоззренья шатких кочек,
где истину, когда захочет,
всяк прячет в многозначность слов

иль топит в суете рутинной,
становится прозрачным, как
забытый дедовский чердак,
весь оплетённый паутиной.

Дом сломан. Умер дед давно.
Погост. И даты на металле.
А образы парят в ментале.
Они реальны, как кино.

КЛАВА

Балаклава не рифмуется с бакалеей.
Клава родом из Балаклавы,
а работает в бакалее
на улице Куприна.

И сыта она, и пьяна,
и денжат у неё до хрена –
жизнь всё лучше и веселее.

Клаве нравится наш город.
В Балаклаве осталось горе:
бывший муж породнился с морем
и ушёл в него навсегда –
ожила его вода.

Здесь у Клавы своя обитель –
полторашка – полная чаша.
До недавнего был сожитель –
мусульманской веры таджик.
От него не знала хорошего,
кроме, что «как-никак, мужик».

За одно клянёт себя Клава:
без детишек жизнь её прожита,
а могла бы родить дитя...
Но на людях твердит, шутя:
«Не хватало такой мороки!
Поумнее нас, баб, сороки».

Ночью часто ей снится море,
на песке нерождённой дочки
волны мерно лижут следочки...
Век не выплакать Клаве горя.

